

Ли Е бежал по берегу озера Вэймин, за ним бежало несколько человек.

Сунь Сяньцзинь тяжело дышал, как сломанный меха, ноги его подкашивались, но он всё же стискивал зубы и не отставал от Ли Е.

Другие одноклассники, Чжэнь Жунжун, Чэнь Сяолин, Пу Сяньхэ и другие, отставали от Сунь Сяньцзина, тянулись позади.

Ли Е с неохотой замедлил шаг и сказал:

— Ребята, не надо за мной бежать! Разве классный руководитель не говорила? Наша главная задача сейчас – учёба.

Сунь Сяньцзинь покачал головой и, задыхаясь, сказал:

— Я считаю, что здоровье тоже важно... девушки в нашем классе любят спортивного комиссара... теперь все девушки в классе любят тебя, Ли Е.

— Не неси чушь!

Ли Е взглянул на Чжэнь Жунжун и других, которые догоняли их, и сердито посмотрел на Сунь Сяньцзина.

В то время слухи были очень опасны, и если они распространятся, то могут легко повлиять на репутацию человека.

Ли Е остановился и подождал, пока Чжэнь Жунжун и другие догонят.

— Староста, ты знаешь, почему классный руководитель не распространяет информацию о моём геройском поступке?

— Я спрашивала у Му Лаоши, потому что я тоже не понимала, потом Му Лаоши сказала, что не хочет вводить в заблуждение учеников, чтобы они не принимали рискованных решений в подобных ситуациях.

Ли Е был удивлён, потому что он не ожидал, что Чжэнь Жунжун сама спросит Му Юньнин.

На самом деле, поступок Ли Е не был широко разрекламирован по настоянию Ли Е на банкете у семьи Вэнь несколько дней назад.

Потому что в конце 82-го и начале 83-го годов количество безработных увеличилось, и уличные драки стали обычным явлением, если в это время призывать учеников к «героизму», это может быть опасно, потому что в хаосе ученики, не умеющие драться, очень уязвимы.

Студенты Пекинского университета – это высокоинтеллектуальные кадры, отбираемые из десятков тысяч человек, их ждут множество научных задач, которые им нужно решить, неужели вы хотите, чтобы они дрались с хулиганами?

Поэтому многих опасных ситуаций следует избегать.

Когда Ли Е высказал это предложение, Вэнь Ляюй была удивлена.

Она понимала, что если бы эта история получила широкую огласку, то Ли Е мог бы начать процедуру вступления в партию, но когда Ли Е объяснил свои причины, Вэнь Ляюй улыбнулась, а учитель Кэ подняла бокал, и дело было решено.

Чжэнь Жунжун отдышалась и сказала Ли Е:

— Мы понимаем опасения классного руководителя, но что, если мы столкнёмся с такой ситуацией, как у тебя на днях? Разве мы должны проигнорировать это? Разве мы не должны вмешаться?

Ли Е посмотрел на Чжэнь Жунжун и других одноклассников и почувствовал их «чувство справедливости и ответственности».

Такое качество в наше время почти не встречается.

Потому что почти все родители учат детей «держаться подальше от опасности», а что правильно, а что нет – очень трудно сказать.

— Хорошо! Я научу вас, как правильно действовать в опасной ситуации.

Ли Е указал на ноги Чжэнь Жунжун, а затем на её рот, это движение заставило её почувствовать себя неловко.

Хэ Дачжуан, подходя к Чжэнь Жунжун, всегда смотрел на её ноги.

Ли Е сказал:

— Если вы встретите плохого человека, бегите изо всех сил и кричите!

— Бегите в людное место, кричите «на помощь!», «милиция!», зовите людей на помощь, и всё.

Чжэнь Жунжун невольно улыбнулась:

— А почему ты тогда не убежал и не кричал?

— Ты что, со мной споришь?

Ли Е, наконец, рассердился, огляделся и подошёл к дереву.

Заняв позу, он сделал боковой удар ногой, прозвучал резкий звук «хлоп», и с коры отлетело большое кусок.

Наступила осень, пожелтевшие листья падали, как дождь.

— Вы всё время пинайте деревья! Когда достигнете моего уровня, тогда приходите ко мне учиться боевым искусствам, а после выпуска мы поговорим о том, что было.

— ...

Чжэнь Жунжун и Сунь Сяньцзинь ошеломлённо смотрели, как уходит Ли Е, Чэнь Сяолин даже поймала упавший листок, с недоверием на лице.

Удар Ли Е был очень быстрым, они увидели только тень, а потом – листва разлетелась.

Невероятно.

Сунь Сяньцзинь, пылая желанием попробовать, тоже подошел к дереву.

Он сделал удар ногой, поза немного напоминала позу Ли Е.

— Ой...

Сунь Сяньцзинь, прижимая ногу, прыгал, как энергичный кузнечик.

— Ха-ха-ха-ха!

Несколько девушек рассмеялись, подошли и, подражая Сунь Сяньцзинь, легко пнули несколько раз, весело играя, а мысли о благородном поступке постепенно угасли.

После ужина Ли Е отвёз Вэнь Лэюй в библиотеку, а сам отправился в храм Цаоцзюньмяо.

Сегодня должны были приехать люди из его родного города, Ли Е должен был посмотреть, кого ему прислал дед.

Но когда он приехал в храм Цаоцзюньмяо, во дворе был только Цзинь Пэн.

— Я думал, ты сегодня обязательно придёшь.

Цзинь Пэн принёс корзину фруктов и протянул её Ли Е.

Ли Е взял яблоко, откусил и спросил:

— А где люди из родного города? Разве они не должны были приехать сегодня?

Цзинь Пэн ответил:

— Все пошли помогать на улицу Сишуй, ни на минуту не могут усидеть на месте, я даже не смог уговорить их сначала погулять по Пекину.

Услышав это, Ли Е немного успокоился.

Такой подход к работе – это очень хорошо.

Магазин на улице Сишуй теперь работает каждый вечер до восьми часов, он стал местной достопримечательностью, каждый вечер там много покупателей, а Ма Цаньшань и другие очень устали.

Ли Е доел яблоко и сказал:

— Если есть возможность нанять ещё людей, нанимайте, постоянные сверхурочные – это не выход, Цянцзы всё время сидит на складе – тоже плохо, найди ему подходящую замену.

— Цянцзы сейчас не на складе, — с ухмылкой сказал Цзинь Пэн. — Он побратался с Хуан Ганом, всё время торчит в больнице!

Ли Е удивился и спросил:

— Побратались? Кто их свел?

Ли Е не удивился бы, если бы не знал, что Ван Цзянцян, с его простым характером, даже свои мысли с трудом может выразить, как он мог стать побратимом с пекинским балагуром?

— Сам, — хитро сказал Цзинь Пэн. — Наш глупый брат, наконец-то прозрел!

Ли Е:

— ...

В больнице всегда витал запах хлорки, он давил на пациентов и их родственников, нагнетая атмосферу болезни, и одновременно оказывая «успокаивающий» эффект.

Только очень оптимистичный человек мог в таких условиях хорошо есть и не обращать внимания на боль и страдания.

Хуан Ган считал себя оптимистом, но когда несколько дней назад он увидел отчаяние и горе матери и сестры, а также их разочарование в нём, он сам себя обругал, ударив себя несколько раз по лицу.

И именно в этот момент, в этот период уныния, один простой человек принёс Хуан Гану свет.

— Брат, не падай духом, в жизни бывают разные трудности, вот я в прошлом году еле-еле мог прокормиться, а сейчас всё хорошо.

— Мой брат когда-то сказал мне: «Когда-то ты меня не замечала, а сегодня я тебе не по зубам», и я это доказал.

В тот момент Ван Цзянцян сидел у кровати Хуан Гана и бодро рассуждал, и Хуан Ган, наконец, нашёл «единомышленника».

Потому что Ван Цзянцян был одет в шерстяной костюм, рубашку, галстук, часы – всё было высшего качества, он был настоящим успешным человеком.

Отец, мать и сестра говорили, что Хуан Ган уже взрослый, а у него нет никаких достижений, что он пропащий, но посмотрите на Ван Цзянцяна, разве это не пример?

И что ещё важнее, Ван Цзянцян и Хуан Ган были похожи по характеру, оба обладали

«рыцарским духом».

Хуан Ган хорошо помнил тот вечер, он, словно ухватившись за соломинку, крикнул, и именно Ван Цзянцян остановился, что и привело к дальнейшим событиям.

Можно сказать, что если бы Ван Цзянцян не остановился, то Хуан Ган и его друзья могли бы остаться в том переулке.

Поэтому, из благодарности, Хуан Ган предложил Ван Цзянцяну стать «братьями».

В результате Ван Цзянцян сразу же изменил обращение, перестав называть Хуан Гана братом, он стал называть его «старшим братом» и каждый день ухаживал за ним, заботясь больше, чем его собственный отец, работающий в шахте.

Вот и сейчас, Ван Цзянцян снова пришёл и принёс жареную курицу, мясо и другие вкусности.

Хуан Ган смущённо сказал:

— Цзянцян, я тебе так мешаю, не волнуйся, я скоро выпишусь, и я обязательно верну тебе деньги за лечение нас троих.

— Старший брат, что ты говоришь? — недовольно сказал Ван Цзянцян. — Деньги — это пустяки, те деньги, которые ты ценишь сейчас, позже, когда ты разбогатеешь, тебе покажутся мелочью.

Хуан Ган был так тронут, что не мог говорить, за столько лет это был первый человек, кто действительно верил, что Хуан Ган разбогатеет!

Но в этот момент снаружи послышался звонкий девичий голос.

— Цзянцян, не говори, что мой брат разбогатеет, если ты будешь так говорить, он взлетит на крышу.

Дверь палаты открылась, мать Хуан Гана, Ян Сюцзюань, и его сестра Хуан Сувэнь принесли еду.

Как только они вошли, Хуан Сувэнь нахмурилась.

— Цзянцян, зачем ты снова покупаешь моему брату мясо? Что он будет делать, когда ему это надоест?

— Ничего, ничего, пара раз не надоест.

Ван Цзянцян, ещё недавно державшийся с достоинством, сразу же стал мягче, проявив свою простоту.

— Это ещё не надоест? Вчера была утка, позавчера – ветчина, сегодня...

Хуан Сувэнь начала перечислять, и Хуан Ган с Ван Цзянцяном опустили головы, смущённо переглянувшись, словно два несчастных брата, жалея друг друга.

— Ладно, ладно, ты, девочка, не болтай! Не пора ли налить супа своим братьям?

Мать Ян Сюцзюань сказала, и Хуан Сувэнь смолкла, налила две чашки супа и раздала их Хуан Гану и Ван Цзянцяну.

Ван Цзянцян быстро взял чашку и стал есть аккуратно.

Он научился этому у Ли Е, обычно Ли Е ел за компанию, заглатывая пищу большими кусками, но Ван Цзянцян однажды видел, как Ли Е ел с Вэнь Лэюй, это было так красиво.

Ван Цзянцян хоть и простак, но знал, что Ли Е – влиятельный человек, и если он будет у него учиться, то всё будет хорошо.

Видя, как Ван Цзянцян ест с аппетитом, Ян Сюцзюань вопросительно посмотрела на него и спросила:

— Цзянцян, ты всё время тут с Ганом, у тебя разве нет дел?

Хуан Ган тут же возмутился, отставив чашку с супом:

— Мама, что ты говоришь? Индивидуальная экономика – важная часть нашей модернизации, ты не можешь её недооценивать...

Ян Сюцзюань и Хуан Сувэнь были очень удивлены, увидев, как Хуан Ган излагает свои аргументы:

— Кто тебя этому научил?

Хуан Ган указал на Ван Цзянцяна:

— Вот, брат Цзянцзы сказал, и посмотри на него, он же преуспел!

Хуан Сувэнь с удивлением посмотрела на Ван Цзянцяна, словно спрашивая: «Ты ещё и этому учился?»

Ван Цзянцян напрягся, но машинально ответил:

— Это правда, с точки зрения экономики, в процессе рыночных реформ неизбежно появятся новые отрасли...

Близость к хорошим людям делает человека хорошим, близость к плохим – делает плохим. Ли Е время от времени рассказывал Цзинь Пэну и другим о некоторых экономических теориях, Ван Цзянцян всегда молча слушал, возможно, Цзинь Пэн был достаточно умен, но он никогда не воспринимал это всерьёз, а вот Ван Цзянцян, упрямый как осёл, многое запомнил.

И вот, пригодилось!

Но Хуан Сувэнь, живая и бойкая девушка, не так-то просто обмануть, она сразу же спросила:

— Значит, ты частник?

— Я не частник.

Ван Цзянцян вытащил из кармана удостоверение и протянул его Хуан Сувэнь.

Хуан Сувэнь открыла его, там была фотография, печать, и звание: заместитель начальника отдела продаж на фабрике одежды «Пэнчэн» №7.

Хуан Сувэнь посмотрела на Ван Цзянцяна и спросила:

— Ты заместитель начальника?

Ван Цзянцян немного испугался и, сделав глубокий вдох, сказал правду:

— Мой брат – начальник.

Ну вот, теперь всё встало на свои места.

Хуан Сувэнь закрыла удостоверение и вернула его Ван Цзянцяну.

Все в Пекине понимают, что таких случаев много.

Хуан Ган ошеломлённо смотрел на Ван Цзянцяна, на его лице было полное недоумение.

— Получается, братан, ты меня тут несколько дней утешал, говорил о том, что упорство и самостоятельность обязательно приведут к успеху, а сам ты – всего лишь блатной?

Но мать Хуан Гана думала иначе, она с улыбкой начала болтать с Ван Цзянцяном, и вдруг спросила его:

— Цзянцзы, сколько ты зарабатываешь в месяц?

— Я... — Ван Цзянцян почесал затылок, подумал и сказал: — Не могу сказать точно, потому что есть надбавки, премии и так далее, в общем, чуть больше ста юаней!

Этот ответ Ван Цзянцян придумал заранее, чтобы ответить своей матери из уезда Циншуй, и вот, он пригодился.

— Больше ста юаней?

Семья Хуан была поражена, отец Хуан Гана был кормильцем семьи, он зарабатывал чуть больше сорока юаней в месяц, а Ван Цзянцян один зарабатывал больше всей семьи.

— Ой, если бы ты немного сэкономил эти сто юаней, то за несколько лет смог бы купить небольшой двор в Пекине!

У Ван Цзянцяна блеснула мысль, и он спросил:

— Брат Ганцзы, тётя, в районе Дунэртяо продают дома?

После того, как Ли Е купил дом в храме Цаоцзюньмяо, Ван Цзянцян решил купить дом рядом с Ли Е.

Но сейчас он вдруг подумал, что район Дунэртяо находится недалеко от храма Цаоцзюньмяо.

<http://tl.rulate.ru/book/123784/5259494>